

Лингвистика

УДК 811.161.1'373.6:930(045)

В.Б. Егоров

ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВА «ВАРЯГ» С УЧЕТОМ ФИНОЯЗЫЧНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

До сих пор ведется полемика вокруг происхождения древнерусского слова «варяги» и его соотношения с *Væringjar* скандинавских саг и среднегреческим *Βάραγγοι*. Общепринятая этимология В. Томсена из древнескандинавского *vár* и постулат первичности термина саг не вписываются в исторический контекст и не позволяют объяснить генезис трех взаимосвязанных слов. В статье рассмотрены иные возможности этимологизации слова «варяг» с учетом финоязычного посредничества и реконструировано принципиально иное взаимодействие древнерусского, греческого и скандинавского терминов, позволяющее предполагать более раннее, еще в Эпоху викингов, возникновение первого из них на территории будущей Древней Руси.

Ключевые слова: варяги, Византия, Древняя Русь, финоязычное посредничество, *Væringjar*, *Βάραγγοι*.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-681-687

Происхождение древнерусского слова «варяг» до сих пор не нашло общепризнанного объяснения. В Повести временных лет (далее – ПВЛ) оно впервые встречается уже в недатированной «преамбуле» при перечислении народов «Иафетовой части» мира [8, с. 10], а первое датированное упоминание варягов относится к 859 г. [8, с. 18]. Однако недостоверность хронологии событий IX–X вв. в русских летописях вряд ли позволяет использовать эту дату для определения времени возникновения термина. В частности, А. Л. Никитин полагал упоминания варягов в описанных в ПВЛ событиях IX–X вв. анахронизмами, внесенными туда одним из ее авторов первой половины XII в. [7, с. 94–95]. Вероятно, наиболее ранним заслуживающим доверия появлением термина «варяг» следует считать дважды встречаемые «варяг или колбяг» в тексте Краткой редакции Русской Правды, вставленном в статью 1016 г. Новгородской первой летописи младшего извода. Это позволяет, несмотря на условность хронологии русских летописных источников того периода, с высокой вероятностью полагать, что к началу XI в. термин был известен в Древней Руси.

Предыдущие исследования происхождения слова «варяг» С. А. Геденова [2], В. Г. Васильевского [1], Г. Шрамма [13] и Е. А. Мельниковой с В. Я. Петрухиным [5] показали взаимосвязь основы варяг- с двумя другими: византийской *βάραγγ-* (вероятное среднегреческое произношение /'vagaŋ/) и древнескандинавской *væring-* (предполагаемое произношение /'vɛ:ŋŋ/). До сих пор из этой триады только основе *væring-* В. Томсеном было предложено этимологическое объяснение из древнескандинавского корня *vár-*. Хотя ни одно слово с этим корнем не дожило до наших дней ни в одном скандинавском языке, в полном исландско-английском словаре Р. Клисби и Г. Вигфуссона можно найти с пометками «устаревшее» и «только во мн. ч.» слово *várag* со значениями ‘залог’, ‘поручительство’, ‘обязательство’, ‘зарок’, ‘обещание’, ‘клятва’, ‘обет’ [11, с. 686]. Вероятно, два последних дали основание Томсену предположить производную от корня *vár-* основу *væring-* (с суффиксом *-ing* и вызванной им переднеязычной перегласовкой долгого гласного корня) источником древнерусского слова «варяг» («варяг» в современной орфографии) в значении лица, давшего обет или клятву. Эта этимология была признана М. Фасмером [10, с. 276], что фактически «узаконило» ее официальный статус.

Поскольку другие основы триады из «своих» языков не этимологизируются, именно *væring-* как производную от *vár-* принято считать оригинальной, а две остальные, соответственно, дериватами. Однако и порядок возникновения этих дериватов, и их взаимосоотношение по-прежнему остаются предметом дискуссий. Текущее положение дел было подытожено Е. А. Мельниковой: «Таким образом, время появления слова [*Væringi* (им. п. ед. ч. от основы *væring-*). – В. Е.] в древнескандинавской литературе и его значение соответствуют его употреблению в византийских источниках, но никак не согласуются с его хронологией и семантикой на русской почве. Эти несоответствия заставляют вновь обратиться к функционированию всех трех вариантов слова (его общее происхождение от др. сканд. *vár*, ‘обет’, ‘клятва’, не вызывает сомнений) в русской, византийской и скандинавской традициях»

[4, с. 159–160]. В соответствии с этим пожеланием настоящая статья «вновь обращается к функционированию всех трех вариантов слова», а точнее триады основ: древнескандинавской *væring-*, среднегреческой *βάραγγ-* и древнерусской *варяг-*, — но, в отличие от Мельниковой, поставив под сомнение «не вызывающее сомнений их общее происхождение от *vár*».

* * *

Принять происхождение византийской основы *βάραγγ-* непосредственно от древнескандинавской *væring-* мешают как лингвистические, так и исторические соображения.

С лингвистической точки зрения, в греческой основе не находят объяснения обе гласные. Основная *væring-* при заимствовании в среднегреческий должна была бы предстать в форме **βέρυγγ-*, в то время как на деле мы встречаем исключительно *βάραγγ-*. То есть налицо «совершенное различие вокализма» предполагаемого древнескандинавского оригинала и греческого производного [5, с. 230]. Это препятствие оказалось непреодолимым до такой степени, что заставило ряд исследователей почитать заимствование греческим языком основы *βάραγγ-* не прямым из древнескандинавской *væring-*, а опосредованным через древнерусскую *варяг-*, хотя механизм и исторический контекст такого посредничества так и остались необъясненными. Бессилие историков в свое время признавал еще В. Г. Васильевский: «Пока гораздо проще предполагать, что сами Русские, служившие в Византии, называли себя Варягами, принеся с собою этот термин из Киева, и что так стали называть их те Греки, которые прежде всего и особенно близко с ними познакомились» [1, с. 220–221]. Но, как справедливо возражал ему С. А. Геденов, с какой стати, спрашивается, русским называть себя варягами?! Совершенно очевидно, что русские, т. е. в понимании Васильевского приднепровские славяне, не могли изобрести слово, лишённое для них смысла в родном языке, да еще к тому же принять это бессмысленное слово в качестве самоназвания.

Нет у греческого компонента триады *βάραγγ-* ясности и в историческом плане. Исландские саги, в которых фигурируют *Væringjar* (им. п., мн. ч. от основы *væring-*), записаны в XII–XIII вв., хотя некоторые из описываемых в них событий могут быть отнесены к XI в. *Væringjar sag* — это норманны, служившие в Константинополе в дворцовой императорской страже, из-за чего, как считается, и получили имя, этимологически связанное с присягой *vár* бацилеву. Однако термин *Βάραγγοι* (им. п., мн. ч. от основы *βάραγγ-*), впервые встречающийся в известных нам византийских документах в описании событий 1034 г. [1, с. 181], относился там отнюдь не к константинопольской дворцовой страже, а к, если можно так выразиться, общевоинскому подразделению, расквартированному во Фракийской феме. Притом отсутствие пояснений к нему в тексте заставляет видеть в нем слово, в то время уже знакомое византийскому читателю. Тогда время возникновения греческого компонента триады следовало бы отнести к началу XI в. или даже концу X в., что исключает прямое заимствование византийскими греками древнескандинавской основы.

У предполагаемого заимствования в древнерусский язык *væring-* → *варяг-* тоже имеются свои трудности на обоих фронтах.

Как и в византийской *βάραγγ-*, в древнерусской основе *варяг-* не находит объяснения отсутствие следов переднеязычной перегласовки корневого гласного предполагаемого древнескандинавского оригинала. «Препятствие для деривации др.-сканд. **vāring* → др.-русс. *варягъ*... можно усмотреть в том обстоятельстве, что в славянском заимствовании никак не отражен умлаут корневого гласного в северогерманском оригинале: **vāring* → *væring*» [6, с. 231–232]. Бессилие, на сей раз лингвистов, фактически признал Г. Якобссон введением некой гипотетической промежуточной основы **waring-* с не вызывавшем перегласовки «непродуктивным» суффиксом *-ang*, который якобы впоследствии, уже после заимствования в древнерусский, заменился в самом древнескандинавском языке на «более продуктивный» суффикс *-ing* [12, с. 36–43]. Это волюнтаристское допущение было поддержано Е. А. Мельниковой [4, с. 160] несмотря на то, что единственным, да и то косвенным, его обоснованием служит у Якобссона название одного из норвежских фьордов. Однако, как резонно возражает ему Л. П. Грот, *Varanger* — современное название, и оно не может привлекаться для объяснения феномена древнескандинавского языка [3, с. 86–87]. Действительно, в норвежском языке нет суффикса *-ang-*, зато есть целый ряд названий фьордов с формантом *-anger*: *Geiranger*, *Porsanger*, *Hardanger*. К этому также следует добавить отсутствие каких-либо исторических увязок находящегося на севере Норвегии *Варангер-фьорда* с *варягами*.

Нет адекватного объяснения появлению в древнерусском языке слова «варяг» и в историческом аспекте. Решение, предложенное Е. А. Мельниковой, может быть принято лишь частично. В нем трудно оспорить первый тезис: «Позднее формирование терминов варанг/вэринг [т. е. основ βάρανγ-/væring-. – В. Е.] в Византии и Скандинавии указывает на то, что он [термин «варяг». – В. Е.] возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси, причем в скандинавской среде, т. е. той, где говорили на древнескандинавском языке...», — но никак не возможно согласиться со вторым: «Обстоятельства (но не время) его возникновения восстанавливаются на основе рассказа летописи. Князь Игорь, не рассчитывая на силы только что разгромленной греками Руси, призывает в 944 г. из-за моря скандинавов. Заключение договора с наемниками, определявшего условия их службы, могло вызвать к жизни их название *waraŋg от vār — ‘верность’, ‘обет’, ‘клятва’» [4, с. 163]. Лингвистическая несостоятельность «вызванного к жизни» *waraŋg (им. п., ед. ч. от основы Якобссона *waraŋg-) была отмечена выше. Далее, Л. П. Грот указывает на необоснованность допущения и отсутствие реальных доказательств принесения варягами присяги Игорю [3, с. 85–86]. Таких доказательств действительно нет. Более того, не бесспорен сам факт похода 944 г., с которым Е. А. Мельникова связывает возникновение древнерусского термина, его историческая достоверность не без оснований подвергается сомнению [7, с. 197–208].

В итоге приходится констатировать, что постулат независимого происхождения византийской основы βάρανγ- и древнерусской варяг- из древнескандинавской væring-, а той, в свою очередь, из корня vār-, не желает укладываться ни в рамки законов лингвистики, ни в исторический контекст. Такое противодействие ему по всем статьям заставляет искать альтернативные решения, в том числе на основе иных этимологизаций слова «варяг».

* * *

Новые возможности этимологизации основы варяг- открываются в свете концепции становления начальной руси как особого социума в Поволжье вдоль Волжского торгового пути IX–X вв. [9, с. 103–190]. Инициаторами специфической дальней торговли, главным образом пушниной и рабами, на этом пути были, судя по всему, ватаги восточных скандинавов, западные собратья которых в Европе назывались викингами. Эти ватаги, функционировавшие в основном на финоязычной территории, неизбежно разбавлялись выходцами из местного населения. Язык формирующегося таким образом социума, ранней руси, будучи изначально безусловно диалектом древнескандинавского, по мере роста доли автохтонов мог приобретать новые «финские» черты и, в частности, звучание.

Одна из отличительных черт финских языков, в том числе в прибалтийском и поволжском ареалах вдоль Волжского торгового пути — отсутствие звука /f/, который в заимствованиях заменяется, в частности, звуком /v/ (или /v/, что здесь не принципиально). Одним из таких заимствований является финское слово vaaga — ‘опасность’, ‘риск’. Его древнескандинавский источник fār /fa:r/ — ‘обман’, ‘измена’, ‘опасность’ [11, с. 147] — имеет прямых наследников, помимо финского, во многих германских языках: шв. fara, англ. fear, нем. Fahr — со схожими значениями ‘опасность’, ‘угроза’, ‘риск’ [15].

Но если древнескандинавское слово fār (возможно, в более позднем «старошведском» варианте fara) было адаптировано финнами в форме vaaga, то не могла ли аналогичным образом финоязычная составляющая ранней руси адаптировать и «инговое» производное от него, означающее, например, смельчака, готового рисковать и подвергаться опасностям в дальних поездках и торговых экспедициях? Получившееся при этом слово *vaaring при последующем заимствовании древнерусским языком закономерно должно было бы превратиться в «варяг».

Замена vār Томсена на fār с финским посредником vaaga для этимологизации основы варяг- не только исторически отвязывает варягов от «вэрингов» saŋ, но и, что особенно важно, лингвистически объясняет отсутствие в их названии перегласовки корневого гласного. Ведь если для древних скандинавов в парах vār → væring и fār → *færing корневые «á» и «æ» суть аллофоны, зависимые от гласного суффикса, то для финоязычных акцепторов это разные фонемы; и таковые акцепторы в силу свойственной финским языкам гармонии гласных скорее подстроили бы суффиксальный гласный под корневой, а не наоборот. Благо, в случае образования vaaga → *vaaring даже этого по правилам гармонии не потребовалось.

* * *

Допущение начального согласного /f/ и финоязычного посредничества заметно расширяет набор кандидатов для этимологизации основы варяг-. В круг претендентов, помимо fār-, могли бы войти и древнескандинавские корни с кратким гласным, такие как var- и far-. Ранее они не рассматривались, так как краткий древнескандинавский /a/ при прямом заимствовании в древнерусский язык обычно переходил в /o/ (Háskaldr → Аскольд, Yngvarr → Игорь, scattr → скоть и т. п.), чего в случае «варяга» не наблюдается. Но и тут ситуацию меняет допущение финоязычного посредничества. Современный финский язык заимствовал заметный объем древнескандинавской лексики, сохраняя при этом, в отличие от древнерусского, в таких заимствованиях краткие корневые /a/ оригинала: *kambaz → kampa ‘гребень’, *harwaz → karvas ‘терпкий’, *warō → vara ‘запас’ и др. [14]. Таким образом, финоязычное посредничество дает возможность вовлечь в рассмотрение и корни с кратким корневым /a/.

Древнескандинавский корень var- имел несколько значений. Для нас интерес могут представлять существительное vara ‘товар’ (ср. шв. vara и англ. wage в том же значении), причем первоначально преимущественно имелись в виду меховые товары, и глагол vara ‘остерегаться’, ‘опасаться’, ‘быть начеку’ [11, с. 679]. Увязка с мехами и необходимостью быть начеку вполне естественна в отношении купцов, занимающихся торговлей, особенно рабами, и вынужденных совершать дальние, связанные с немалым риском поездки. Кроме того, в связи с глаголом vara может быть не лишено смысла вспомнить боевой клич викингов var sik, (ek kom)! — ‘берегись, (я иду)!’. Это своего рода «фирменное ура» было настолько броским и выразительным отличием атакующих скандинавов, что суффиксальное производное от императива var могло бы стать их прозвищем и даже самоназванием.

Значения древнескандинавского корня far- тоже многочисленны и тоже в целом связаны с путешествиями, передвижением, а также средствами передвижения, в том числе кораблями и, в частности, торговыми судами [11, с. 141].

Таким образом, все упомянутые выше древнескандинавские корни fār-, var- и far- так или иначе имеют связь с опасностью, путешествиями, кораблями и торговлей пушниной. Поскольку именно эти занятия традиционно считаются характерными для скандинавов на Волжском торговом пути, вовлечение перечисленных древнескандинавских корней в рассмотрение для этимологизации основы варяг-выглядит вполне уместным. Оно хорошо согласуется с тезисом Е. А. Мельниковой о возникновении термина «варяг» в скандинавоязычной среде на территории Древней Руси, но тут, в расширение этого тезиса, скандинавоязычие принципиально дополняется финоязычием (возможно, точнее было бы говорить о двуязычии) автохтонного компонента начальной руси на Волжском торговом пути.

Время возникновения термина «варяг» на русской почве позволяет оценить археология. Самые ранние следы скандинавов в Приладожье относятся к середине VIII в., в Приильменье они появляются почти столетием позже. Но надо понимать, что это следы не варягов, т. е. купцов-корабельщиков, кочевавших на судах по рекам, нигде не задерживавшихся надолго и потому не оставлявших доступных археологам следов. То, что находят археологи, оставлено оседлым населением. В случае скандинавов речь может идти об отдельных скандинавских ватажниках, по тем или иным причинам застрявших на бескрайних просторах будущей Руси, а также шедших по следам варягов скупщикам пушнины, ростовщикам и, наконец, ремесленникам. Следовательно, датировки археологических скандинавских следов — это terminus ad quem для времени появления варягов на территории будущей Руси. Термин *vaaring мог возникнуть в Приладожье и Приильменье уже в VIII в., а его древнерусский эквивалент «варагъ», возможно, почти синхронен появлению в тех краях славянского населения.

Если в Византии с ее давней письменной традицией и обширным корпусом хроник упоминания «варангов» встречаются только со второй трети XI в., то, скорее всего, само это понятие возникло там незадолго до этого. В противоположность Византии, в Древней Руси в XI в. только-только начинают писаться первые документы. Поэтому относительно позднее, лишь с XI в., появление варягов в наших летописях ни в коей мере не исключает возможность гораздо более раннего устного функционирования термина на территории Древней Руси. Более того, бросающаяся в глаза невнятность «образа» варягов в ПВЛ заставляет видеть в них понятие давнего полузабытого прошлого, уже лишенное реального содержания для авторов XI–XII вв.

* * *

При допущении первичности древнерусской основы варяг- по отношению к основе βάραγγ- византийских хроник и ее независимости от основы væring- скандинавских саг генезис всех трех основ может быть реконструирован в следующем виде.

Слово «варяг» могло возникнуть как лингвистически закономерное заимствование древнерусским языком термина *vaering, предположительно функционировавшего, наряду с «гибридным» скандинаво-финским словом vaaga, в двуязычной среде начальной руси.

Заимствование среднегреческим языком древнерусской основы варяг- могло быть связано, как подметил еще С. А. Гедеонов [2, с. 127–132], с событиями, описанными в ПВЛ под 980 г., когда Владимир Креститель, захватив с помощью варягов Киев, отправил буйных и опасных наймитов в Константинополь. Но Гедеонов ошибался, обуславливая этим событием появление в Константинополе императорских стражников-норманнов и, как следствие, возникновение древнескандинавской основы vaering-, а из нее — среднегреческой βάραγγ-. Как показал В. Г. Васильевский, дворцовая стража «вэрингов» появилась в Константинополе гораздо позже, только в XI в., и невозможно связывать ее появление с варягами Владимира. Однако от Васильевского ускользнул важный нюанс, который окончательно проясняет ситуацию.

Согласно всё той же статье 980 г. ПВЛ, выпроводив варягов в Константинополь, «Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: “Вот идут к тебе **варяги** [выделено мной. – В. Е.], не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного”». Из слов Владимира следуют два важных вывода. Первый сделал Васильевский, обратив внимание на то, что варяги в Византии должны были быть рассредоточены по периферии империи (неслучайно впервые они обнаруживаются нами во Фракийской феме!) и потому не могли стать столичной дворцовой стражей, т. е. «вэрингами» саг. Но незамеченным прошел тот важнейший нюанс, что Владимир предварил отсылку варягов посольством и его послы **обязаны были как-то представить византийцам навязанных им варягов**. Хотя бы устно, а скорее всего и письменно, так как к тому времени между Русью и Византией установились дипломатические отношения, велась дипломатическая переписка и имела традиция заключения межгосударственных договоров. В этой связи греческая основа βάραγγ- представляет собой «честную» **транслитерацию** древнерусской варяг-. В конце X в. письменность Древней Руси еще сохраняла общеславянское написание переднеязычного носового гласного малым юсом «А», который греческой азбукой был вынужденно передан как «Α», а его формальная назализация нашла естественное отражение последующей двойной гаммой «γγ». Другими словами, византийский термин действительно произошел из древнерусского, но свою форму он обрел не в результате устного заимствования и неких фонетических процессов, в частности тех, которые, по предположению А. В. Назаренко, происходили в «двуязычной скандинавской по происхождению социальной верхушке Руси того времени» [6, с. 232], а **как искусственный сугубо письменный конструкт**.

Таким образом, «вэринги» саг окончательно оказываются ни при чем. В 980 г. византийцы получили из Руси разом и первый контингент варягов, и их название. Наверняка константинопольские чиновники не вдавались в тонкости этимологии. Хорошо известно, с одной стороны, пренебрежение греков к варварским языкам, а с другой, приверженность письменной традиции. Васильевский верно поправил Гедеонова, но теперь и мы можем уточнить Васильевского. Вовсе не себя русские называли варягами в Византии, а именно варягов, которые уже давно были известны на Руси под этим именем. А греки просто приняли от Владимира этих варягов вместе с их русским названием как данность; эта данность прижилась и полвека спустя, к 1034 г., действительно уже должна была стать хорошо известной византийскому читателю. Теперь мы можем точно (по крайней мере, с точностью датировок ПВЛ для того времени) назвать дату рождения греческой основы βάραγγ- — 980 г. С этого года на периферии империи начали нести службу «варанги». Но никаких «вэрингов» Византия еще не знала.

Основа vaering- саг оказывается, вопреки В. Томсену и М. Фасмеру, не исходной, а наоборот, самой последней по времени возникновения в рассматриваемой триаде. В сагах она безусловно связана с константинопольской императорской стражей, которая появилась только в XI в. Возможно, этимологически основа vaering- действительно восходит к древнескандинавскому корню vár-, если стражники-норманны личной охраны базилиуса давали ему нечто вроде присяги, клятвы или обета. Достоверных сведений об этом, как и в случае присяги варягов Игорю, у нас нет. Более вероятным представляется, что термин саг возник по «народной этимологии». Норманны, прибывавшие в XI в. в Византию из западной Скандинавии и никогда не бывавшие на Руси, могли переделать давно имевшую хождение в империи, но бессмысленную для них греческую основу βάραγγ- в похоже звучащую и имеющую смысл в родном языке vaering-; а последняя с отслужившими в Константинополе дворцовыми стражами вернулась домой в Скандинавию и там осела в сагах.

* * *

Попытки отнести место рождения слова «варяг» в Византию и связать его с древнескандинавским корнем *vár-* упирались в непреодолимые препятствия и в лингвистическом, и в историческом аспектах. Поэтому понятно стремление историков, в частности Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина и А. В. Назаренко, связать рождение термина с территорией Древней Руси. Этому естественному стремлению не хватало лишь соответствующего более широкого этимологического подхода к проблеме, в частности такого, как предложенный здесь с древнескандинавскими корнями, начинающимися с согласного /f/ и допускающими как долгий, так и краткий корневой гласный, что становится возможным при допущении финоязычного посредничества в процессе заимствования термина древнерусским языком. Предлагаемый подход позволяет лингвистически и исторически корректно объяснить происхождение слова «варяг», а заодно соотнести место его рождения с территорией Древней Руси и отнести время возникновения к VIII–IX вв. Он, вкуче с реконструкцией генезиса связанных с ним среднегреческой и древнескандинавской основ, снимает противоречия между историей и лингвистикой и позволяет, пользуясь словами Е. А. Мельниковой, «согласовать хронологию и семантику на русской почве».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды В. Г. Васильевского. Издание императорской Академии наук. Т. 1. СПб. 1908. С. 176–355.
2. Гедеонов С. А. Варяги и Русь: Разоблачение «норманнского мифа». В 2 частях. Ч. 1 // СПб. Тип. Императорской Академии наук. 1876.
3. Грот Л. П. Призвание варягов, или Норманизм, которого не было // М. «Алгоритм». 2013.
4. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник, т. 55 (80), ч. 2. М. «Наука». 1998.
5. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994, № 3.
6. Назаренко А. В. *Ἰγγῶρ, Βαράγγοι* и др. (О вероятных следах ассимилятивных процессов в языке восточноевропейских скандинавов X в.) // Сборник научных статей памяти А. А. Молчанова *Πολύτροπος*. (Под ред. Т. Н. Джаксон, А. В. Акопяна.) М. «Индрик». 2014.
7. Никитин А. Л. Основания русской истории: мифологемы и факты // М. «АГРАФ». 2001.
8. ПСРЛ. Т I. Изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет // Л. 1926.
9. Толочко А. П. Очерки начальной руси // СПб. «Laurus». 2015.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (*пер. с нем.*). В 4 т. Т. 1 (Пер. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. Б. А. Ларина) // М. «Прогресс». 1986.
11. An Icelandic-English Dictionary (Based on the MS. Collections of the Late Richard Cleasby. Enlarged and Completed by Gudbrand Vigfusson, M.A.) // Oxford. Clarendon Press. 1957.
12. Jacobsson G. La forme originelle du nom des varègues // Scando-Slavica. Vol. I. 1954.
13. Schramm G. Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gnippenbezeichnung // Die Welt der Slawen. 1983. Bd. 28. S. 38–67.
14. Wiktionary. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Finnish_terms_derived_from_Proto-Germanic.
15. Wiktionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/vaara>.

Поступила в редакцию 21.01.2022

Егоров Владимир Борисович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук
(ФИЦ ИУ РАН), Институт проблем информатики (ИПИ РАН)
119333, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 44 (корп. 2)
E-mail: VEgorov@ipiran.ru

V.B. Egorov

POSSIBLE ETYMOLOGIZATION OF THE OLD RUSSIAN WORD VARANGIAN CONSIDERING THE FINNIC MEDIATION

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-681-687

The derivation of the Old Russian word Varangians and its correlation with Væringjar of Scandinavian sagas and Greek Βάραγγοι are still subjects of polemics. The well-known V. Thomsen's etymology from the Old Norse vár and the postulate of the sagas' term primacy do not allow explaining the origin and genesis of all three related terms. The article suggests other possible etymological approaches to the word Varangian, considering probable Finnic mediation, and substantiates a fundamentally different historical interaction of the Old Russian, Scandinavian, and Greek terms, with the Russian one having been originated first, in the Viking Age, on the future Old Rus' territory.

Keywords: Byzantium, Finnic mediation, Old Russia, Varangians, Væringjar, Βάραγγοι.

REFERENCES

1. Vasil'evskiy V. G. Varyago-russkaya i Varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vv. [The Varangian-Russian and Varangian-English squad in Constantinople of XI and XII cc.] // Trudy V. G. Vasil'evskogo. Izdanie imperatorskoy Akademii nauk [Proceedings of V. G. Vasil'evskiy. Publication of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1908. P. 176–355. (In Russian).
2. Gedeonov S. A. Varyagi i Rus': Razoblachenie "normanskogo mifa". Chast' 1 [The Varangians and the Rus': Exposing the "Norman myth". Part 1] // Tip. Imperatorskoy Akademii nauk [Printing House of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1876. (In Russian).
3. Grot L. P. Prizvanie varyagov, ili Normanizm, kotorogo ne bylo [The vocation of the Varangians, or the Normanism, which did not exist] // Moscow, Algoritm, 2013. (In Russian).
4. Mel'nikova E. A. Varyagi, varangi, veringi: skandinavcy na Rusi i v Vizantii [Varyagi, Varangi, Vaeringi: the Scandinavians in Rus' and Byzantium] // Vizantiyskiy vremennik [Byzantium annals]. Vol. 55 (80), part 2. Moscow, Nauka, 1998. (In Russian).
5. Mel'nikova E. A., Petrukhin E. Y. Skandinavcy na Rusi i v Vizantii v X–XI vv.: k istorii nazvaniya "varyag" [The Scandinavians in Russia and Byzantium in the X–XI centuries: on history of the name *Varangian*] // Slavyanovedenie, 1994, No 3. (In Russian).
6. Nazarenko A. V. Ἰγγωρ, Βαράγγοι i dr. (O veroyatnykh sledakh assimilativnykh protsessov v yazyke vostochnoevropeyskikh skandinavov X v.) [Ἰγγωρ, Βαράγγοι and others. (On the probable traces of assimilative processes in the language of the Eastern European Scandinavians X c.)] // Sbornik nauchnykh statey pamyati A. A. Molchanova Πολύτροπος [Collection of scientific articles in memory of A. A. Molchanova Πολύτροπος]. Moscow, Indrik, 2014. (In Russian).
7. Nikitin A. L. Osnovaniya russkoy istorii: mifologemy i fakty [The foundations of Russian history: Mythologems and facts] // Moscow, AGRAF, 2001. (In Russian).
8. PSRL. T. I. Izd. 2. Lavrentyevskaya letopis'. Vyp. 1: Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years] // Leningrad, 1926. (In Russian).
9. Tolochko A. P. Ocherki nachal'noy rusi [Essays of the initial Rus'] // Saint-Petersburg, Laurus, 2015. (In Russian).
10. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka (*per. s nem.*) [Etymological dictionary of the Russian language (*translated from German*)]. Vol. 1 // Moscow, Progress, 1986. (In Russian).
11. An Icelandic-English Dictionary (Based on the MS. Collections of the Late Richard Cleasby. Enlarged and Completed by Gudbrand Vigfusson, M. A.) // Oxford, Clarendon Press, 1957. (In English).
12. Jacobsson G. La forme originelle du nom des varègues // Scando-Slavica. Vol. I. 1954. (In French).
13. Schramm G. Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gnippenbezeichnung // Die Welt der Slawen. 1983. Bd. 28. S. 38–67. (In German).
14. Wiktionary. [Electronic resource]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Finnish_terms_derived_from_Protogermanic.
15. Wiktionary. [Electronic resource]. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/vaara>.

Received 21.02.2022

Egorov V. B., Candidate of Technology, Leading Scientific Researcher
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Informatics Problems
Vavilova st., 44/2, Moscow, Russia, 119333
E-mail: VEGorov@ipiran.ru.